

Ал. А. Громько¹**ГЛОБАЛЬНАЯ (НЕ)БЕЗОПАСНОСТЬ:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

Конфликт между Россией и «коллективным Западом», перешедший в острую фазу в 2014 году, представляет собой часть «большой дестабилизации», которая охватила многие регионы мира в последние 20 лет. Сохраняются фрагменты Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, ставшие универсальными, в первую очередь ООН, и элементы системы однополярного мира. С начала XX века над ними надстраиваются этажи полицентризма. Исторически переходы от одной модели международных отношений к другой всегда сопровождалась всплесками насилия и противоборства. Однако это не означает, что результатом такой дестабилизации должно стать закрепление стратегии враждебности и игры на подавление конкурента, рассчитанной на десятилетия вперед. Намного рациональнее стремление к скорейшему выходу на компромиссные решения и механизмы взаимодействия, которые, не отменяя конкуренцию, даже жесткую, не ставят бы под сомнение коренные национальные интересы сторон. Так было после Вестфальского мира 1648 года, после Венского конгресса 1815 года, после Кубинского кризиса 1962 года.

Деструктивные процессы в сфере обеспечения международной безопасности — одна из наиболее сложных проблем, чреватых дальнейшим нарастанием уязвимости мирового сообщества. Это тот случай, когда алармистские тона более чем к месту. Речь идет о таких тревожных явлениях, как деградация выработанных во второй половине XX века норм и механизмов поддержания международной безопасности, усиление противоречия между нормой территориальной целостности и правом наций на самоопределение, ослабление контроля над ядерным вооружением. Вопрос о том, сможет ли мировое сообщество выработать эффективные механизмы предотвращения конфликтов, остается без ответа. Пока задача состоит в том, чтобы удержать от демонтажа существующие договоренности, в первую очередь по ракетам средней и меньшей дальности.

Конечно, неправильно было бы утверждать, что в области международной безопасности в последние

десятилетия не произошло положительных сдвигов. Например, количество межгосударственных конфликтов, принимающих форму военного противостояния, снизилось. Однако на первый план вышли внутригосударственные конфликты, не менее опасные для мировой стабильности.

События на Украине только подтвердили злободневность этих нерешенных вопросов и необходимость их скорейшего урегулирования. Украинский и ряд других изначально внутригосударственных кризисов наглядно продемонстрировали, как конфликты такого рода могут приводить к резкому ухудшению отношений между крупными державами. Накопление этих и сопутствующих проблем с новой силой стимулирует дискуссии о необходимости реформы ООН и Совета Безопасности, об укреплении миротворческого потенциала ОБСЕ, об амбициях НАТО, о важности предотвращения демонтажа института нейтралитета в Европе.

Отдельного внимания заслуживает тема центр-периферийных связей. В структуре мирового ВВП доля США в 1980–2013 годах сократилась с 21,5 до 18,4 %, Евросоюза (27 стран без Хорватии) — с 28,1 до 18,9 %, в то время как доля Китая выросла с 1,9 до 15,5 %, Индии — с 2,3 до 6,1 %. Другой наглядный пример: доля 16 развитых стран в мировом ВВП в 1970 году составляла 76 %, а в 2013-м — 55 %². Можно привести и подтверждающие эти тенденции прогнозы, например из доклада американского Центра стратегических и международных исследований «Оборона 2045». Так, ожидается, что к 2030 году (по сравнению с 2011-м) США по реальному ВВП уступят первенство Китаю, Индия поднимется с 10-го на 3-е место, а Бразилия до 2050 года с 6-й позиции вслед за Дели займет 4-ю строчку. При этом за тот же период Япония опустится с 3-го на 5-е место, Германия — с 4-го на 9-е, Франция — с 5-го на 10-е, а Италия и Британия вовсе покинут первую десятку крупнейших экономик мира³. Надо сказать, что Россия в этих расчетах с 9-й позиции поднимется на 6-ю.

Эти изменения сопровождаются накоплением противоречий и диспаративов внутри действующей модели глобализации, соответственно усиливается необходимость ее капитального ремонта, в первую очередь системы международных финансовых институтов. Однако те, кто заинтересован в удержании в них своих доминирующих позиций, блокируют серьезные изменения. Но очевидно, что бесконечно это продолжаться не может ввиду нагромождающихся дефектов.

США, Россия и Китай составляют ведущую тройку государств с глобальными амбициями и стремлени-

¹ Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, председатель Совета профессоров РАН, доктор политических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политический реформизм в Великобритании», «Модернизация партийной системы Великобритании», «Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки», «Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы» (в соавт.), «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громько» (авт. и сост.), «Воспоминания о Николае Шмелеве» (ред. и сост.) и др. Шеф-редактор журнала «Современная Европа». Председатель Совета экспертов Института лингвоцивилизационных и миграционных процессов фонда «Русский мир». Президент Ассоциации европейских исследований России, член Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, член Научного совета Совета безопасности РФ и Научного совета при министре иностранных дел России. Почетный доктор Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского (Болгария). Лауреат премии Фонда содействия отечественной науке (2004, 2006).

² Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. Гл. 2.2: Европейские страны и ЕС / В. В. Журкин [и др.]. С. 184; Глава 2.6: Латинская Америка / В. М. Давыдов [и др.]. С. 284. (Б-ка Ин-та мировой экономики и междунар. отношений).

³ Miller D. T. Defence 2045. A Report for the CSIS International Security Program // Rowman & Littlefield. 2015. Nov. P. 11.

ем их реализовывать. Необходимые для этого ресурсы, которыми они располагают, сильно различаются, но по своему потенциалу эти игроки находятся в сопоставимых категориях. Например, именно эти три страны — мировые лидеры в сфере кибернетических технологий, единственные полноценные космические державы, обладатели наиболее передовых ВПК (здесь Пекин пока уступает Москве и Вашингтону). Они располагают сильной фундаментальной наукой, имеют в своем распоряжении одни из самых опытных в мире дипломатические и разведывательные службы. Эти государства, несмотря на различия в их политических системах, способны быстро концентрировать ресурсы для решения поставленных задач.

Потенциал глобального игрока, которому еще предстоит раскрыться в следующие десятилетия, есть у Индии. По ряду параметров к этой категории принадлежит и Европейский Союз. Но если дальнейшее увеличение политического веса Дели в мировых делах — вопрос времени, то однозначно прогнозировать то же самое в отношении ЕС не приходится. Как принято говорить уже не одно десятилетие, этот политический гигант пока так и не превратился в политическое тяжеловеса. Неясно, сможет ли ему помочь обрести свою внешнеполитическую сущность новая Глобальная стратегия¹, обнародованная в июне 2016 года. Это амбициозный документ, предусматривающий превращение ЕС в полноценного глобального игрока в сфере политики и безопасности.

Ряд тезисов Стратегии представляет интерес. Вероятно, впервые в официальном документе ЕС заявлено, что система глобального управления требует не ремонта, а трансформации. Неожиданно от Брюсселя услышать и о том, что «европейская модель» обязательно пригодна для «экспорта» и что взаимодействие с другими проектами региональной интеграции может принести обоюдную пользу. Глобальная стратегия менее идеологизирована, чем другие установочные документы ЕС; введено понятие принципиального прагматизма. Один из ее рефренов — тезис о стратегической автономии, подразумевающий большую внешнеполитическую самостоятельность ЕС от Вашингтона. Поддержки заслуживает последовательный акцент на центральной роли ООН в системе глобального управления.

Вместе с тем Глобальная стратегия в ряде своих пунктов не может не вызывать озабоченности. Стремление к наращиванию ЕС собственной военной идентичности, за скобки которой выносятся геополитические интересы США, а теперь и Британии, должно принести ему в будущем дивиденды. Но появление дополнительного военного потенциала в Западной и Центральной Европе, помимо НАТО, безусловно, будет учитываться Российской Федерацией в своем военном планировании. Наиболее проблемная сторона Глобальной стратегии состоит в том, что Россия объявлена в ней «ключевым стратегическим вызовом», а «евро-

пейский порядок безопасности» приравнен к порядку безопасности исключительно Евросоюза.

Многое в Западной и Центральной Европе будет зависеть от политического лидерства, в первую очередь в Париже, Берлине и Риме, в столицах Вишеградской четверки. Если рано или поздно все же будет признано, что для ЕС идти по пути создания многонационального государства или расширения своей «неоимперии» бесперспективно, тогда может обрести второе дыхание идея Большой Европы². Именно она предстает альтернативой неразрешимым проблемам «ЕС-империи» или «ЕС-государства». В данном случае приращение геополитической мощи Евросоюза произошло бы за счет обоюдного стратегического партнерства с Россией. Определенное движение по этому пути в прошлом уже было. Один из необходимых компонентов этого проекта — формирование общеевропейской системы безопасности. Поскольку этого не происходит, политика ЕС продолжает оставаться фактором в потенциале раскручивания конфронтации с Россией вплоть до развертывания «новой холодной войны».

Пока же положение дел в сфере европейской безопасности представляет собой удручающую картину. Система мер доверия, контроля, предотвращения дальнейшей милитаризации региона находится в дисфункциональном состоянии. Механизмы Совета Россия–НАТО пока так и не возобновили работу. Растут военные расходы. В Европе размещаются дополнительные военные подразделения, оснащенные тяжелой боевой техникой. В первую очередь новой милитаризацией затронуты территории Прибалтики, Польши, Румынии. В воронку военной эскалации втягиваются все новые страны. Все настойчивее звучат голоса тех, кто призывает пересмотреть нейтральный статус Финляндии и Швеции³. Растет противостояние по линии противоракетной обороны, строится и вводится в эксплуатацию инфраструктура европейского компонента глобальной системы ПРО США.

Навязанное России противостояние на основе идеи «новой холодной войны» продолжает нагнетаться. Но происходит это не только в реальном, но и в воображаемом измерении. Политический истеблишмент Прибалтики упорно настаивает на своей версии о том, что Россия со дня на день вторгнется в расположенные здесь страны. В Литве распространена инструкция по диверсионной работе на случай новой «оккупации». На этом фоне продолжается дискриминация русскоязычного населения.

В рассуждениях об этих процессах уроки холодной войны как специфической формы международного конфликта крайне важны⁴. Какая бы модель новой структурной конкуренции (по жесткому или мягкому варианту) Россию и Запад ни ожидала, необходимо сохранить базовый принцип, пострадавший

² Шмелев Н. П., Громыко Ал. А. Большая Европа — грядущая реальность или утопия? // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. М.: Весь мир, 2014.

³ Громыко Ал. А., Плевако Н. С. О возможности вступления Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. № 2.

⁴ Кременюк В. А. Уроки холодной войны. М.: Аспект-Пресс, 2015. С. 22.

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 2016. URL: https://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/about/eugs_review_web_4.pdf

в 1940–1980-е годы, — соперничество как переплетение конкуренции и сотрудничества. Этот баланс не должен исключать даже элементы союзничества, на которое сейчас, впервые после Второй мировой войны, обе стороны толкают грандиозные опасности, в первую очередь угроза международного терроризма.

Терроризму в широком смысле этого слова столько же лет, сколько и истории человеческой цивилизации. Раньше в основном говорили о различных проявлениях внутригосударственного терроризма, как, например, в Испании или Великобритании, на Корсике или в Южном Тироле, но не о международном терроризме. Это достаточно новое явление, которому не более 15–20 лет. Этот тип терроризма не связан ни с внутригосударственной борьбой, ни с национально-освободительной. У него иная природа, когда террор осуществляется не государством против отдельных личностей, их категорий или других государств, и не террористическими организациями против конкретных стран. Борьба идет против определенной системы ценностей, образа жизни, идентификации, наконец, против цивилизации.

Международный терроризм еще в большей степени, чем деятельность, например, баскской ЭТА или Ирландской республиканской армии, нельзя победить военным путем. Последний — не более чем средство подавления его наиболее разящих проявлений. Главная же опасность заключается в том, что идеология международного терроризма засела в умах нескольких десятков, даже сотен тысяч людей по всему миру. Это можно называть доктринерством или варварством, но многие верят в то, что делают, и уничтожают людей далеко не только за деньги, как не за деньги (по крайней мере для себя лично) превращаются в живые бомбы.

В чем корни такой разновидности терроризма? В данном явлении смешались причины внутренние и внешние. Международный терроризм так же неизбежен, как и сама глобализация, которая в своем нынешнем виде ведет к усилению диспаритетов. Там, где социальное неравенство превышает определенные пределы, всегда найдутся люди, готовые за некую идею вести борьбу, в том числе террористическими способами. Но в масштабе международного терроризма «виноваты» примерно в равной пропорции как внешние причины, так и внутренние.

Во многом то, что сейчас происходит в мире, — это рукотворное явление, а не объективный процесс. В западных странах распространен термин «отрицание очевидного». До сих пор там мало кто готов признать, что их внешняя политика послужила одной из причин того, почему международный терроризм достиг невиданных масштабов и форм.

Справиться с этой опасностью в одиночку ни одна страна мира не в состоянии. Проблема также усугубляется следующим. Во-первых, для многих государств мира международный терроризм пока не превратился в экзистенциальную угрозу. В их системе приоритетов и рисков он занимает довольно высокое место по шкале наиболее опасных вызовов, но не является главным. Во-вторых, очаги международного терроризма расположены далеко от стран «ядра» либеральной модели глобализации. Его костяк составляют 30–40 тыс. чело-

век, которые сконцентрированы в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии и Йемене. Для США в этом смысле международный терроризм — опасное явление, но все же сосредоточенное далеко от их границ. В этом смысле и в будущем одни страны будут больше, чем другие, проявлять заинтересованность в борьбе с ним.

Не меньшую опасность представляет выход за допустимые границы противостояния крупных центров силы, за пределы которых оно превращается в конфронтацию. Что касается структур конкуренции, то ошибочно их приравнивать к структурам конфронтации. Аргументом сторонников «новой холодной войны» является отсылка к так называемым извечным противоречиям между великими державами, в частности между Россией в различных ее исторических ипостасях и западными странами. В такой интерпретации сложная история межгосударственных отношений сводится к одному варианту — конфронтации, хотя это лишь одна из форм соперничества, которая не исключает возможности сотрудничества, совместного кризисного регулирования и даже по отдельным направлениям союзничества.

Прямолинейные рассуждения об извечных врагах и друзьях заводят в логический тупик и примитивизируют историю. Так, в недавнем прошлом в СССР и Китае считалось, что они — стратегические противники (бесповоротно и окончательно, как тогда казалось, после боев из-за о. Даманский в 1969 г.). На предыдущем этапе отношений коммунистический характер двух политических систем рассматривался как залог вечной дружбы. Сегодня, говоря о стратегическом сотрудничестве Москвы и Пекина, необходимо помнить, каким маловероятным такой сценарий развития событий представлялся еще 30 лет назад. «Запрограммированными» врагами длительное время рассматривались Франция и Германия, Германия и Польша, Япония и (Южная) Корея и многие другие страны. Когда-то воевали США и Великобритания.

В рассуждениях о детерминантах истории, безусловно, есть доля истины. Действительно, могут складываться структуры противостояния, которые долгое время в том или ином виде сохраняются при переходе от одной модели международных отношений к другой. Так, соперничество довлело в отношениях между Россией и Британией и в XIX, и в XX, и теперь в XXI веке. Отношения между Москвой и Вашингтоном также не смогли уйти от глубоко укоренившейся неприязни, несмотря на, казалось бы, принципиальное изменение международной среды на рубеже 1980–1990-х годов. И такие случаи далеко не единичны. Их природа как минимум двояка.

Речь идет или о крупных субъектах мировой политики с собственными геополитическими проектами, глобальными подходами и сопоставимыми по ряду параметров ресурсами, или, напротив, об отношениях, для которых характерна большая асимметрия, когда малые страны опасаются доминирования крупных соседей. Государства первой категории, как правило, располагаются удаленно друг от друга, например Россия и США, Китай и США, второй категории — граничат друг с другом (Китай и Вьетнам, Россия и страны При-

балтики, США и Куба и т. д.). Фактор географической близости в большинстве случаев заставляет крупных игроков рано или поздно находить компромиссы и договариваться ради взаимной выгоды. По этому пути пошли Франция и Германия, Россия и Китай. Судя по всему, склоняются к этой формуле Индия и Пакистан, Индия и Китай, тогда как Иран и Саудовская Аравия все еще делают ставку на конфронтацию в борьбе за региональное лидерство.

Таким образом, история показывает, насколько большой вес продолжает иметь фактор географического расположения и в эпоху гиперглобализации. Находясь на удалении друг от друга, крупные и во многом равновеликие игроки могут позволить себе длительное время находиться в состоянии жесткого противостояния, даже конфронтации, особенно если их экономические взаимоотношения слабы. Но со второй половины XX века они больше не могут позволить себе следовать курсом полного подавления крупного противника, в первую очередь в военном смысле. По этой же причине у них нет достаточной мотивации для встраивания в кильватер своих соперников. Очевидно, что равновесие жесткой конкуренции будет не менее характерной чертой XXI столетия, чем предыдущих эпох.

Парадоксально, но аргументом в пользу «новой холодной войны» может быть то, что она представляет собой механизм управления противостоянием, без которого конфронтация может перерасти в третью мировую войну. Но не холодная война, включая ее регулируемую составляющую, в 1940–1980-е годы предотвратила новую мировую, а создание в 1945 году атомного оружия, то есть когда холодная война еще не началась. Именно это оружие в отношениях ядерных держав делает невозможным такой способ урегулирования конфликта, как война. Другими словами, не столько холодная война помогла предотвратить применение ядерного оружия, сколько оно, среди прочего, не позволило ей перерасти в горячую. Так как ничто в обозримом будущем не предвещает отказ от «большой бомбы», «новая холодная война» лишь усугубила бы проблематику контроля и режима нераспространения ОМУ.

Избрание в ноябре 2016 года нового президента США поставило перед государствами и организациями Старого Света и Евразии острые вопросы. Дональд Трамп с точки зрения Европы относится к категории евроскептиков и более того — критиков либеральной модели глобализации. В этом благодаря поддержке половины жителей своей страны он пошел против остатков межпартийного консенсуса демократов и республиканцев. Политическая поляризация в США достигла новых высот уже при Б. Обаме, однако была не столь ярко выраженной во внешнеполитической сфере. Шаблон последней, по откровенному заявлению Бена Родса, заместителя советника президента по национальной безопасности, сложился в 1990–2002 годах: «Мы могли провести через Совет Безопасности ООН все, что хотели, за небольшим исключением. Откровенно говоря, мы могли вмешиваться во внутренние дела других государств разными способами. Мы могли полагаться на то, что Россия не будет противить-

ся расширению НАТО. У нас было в запасе время, прежде чем Китай начнет оказывать влияние на ситуацию вдоль своих границ»¹.

Трамп не проявляет желания автоматически поддерживать сложившуюся идеологию и практику отношений ни с Евросоюзом, ни в рамках НАТО. Он отказался от абсолютизации идеи о свободной торговле и вывел свою страну из соглашения о Транстихоокеанском торговом партнерстве (ТТП). Практически нет шансов на возобновление в обозримом будущем и переговоров по заключению Трансатлантического инвестиционного и торгового партнерства (ТТИП). С надеждами на ратификацию ТТП расстался еще Б. Обама, а переговоры по ТТИП увязли в противоречиях задолго до прихода нового президента к власти. Во многом феномен Трампа лишь обнажил те разногласия, которые накапливались в евроатлантическом сообществе при его предшественниках.

У России и Запада есть все резоны, чтобы помочь миру покинуть зону «большой дестабилизации» на условиях конструктивного полицентризма, вместо того чтобы увеличивать ее площадь с помощью опасного фарса «новой холодной войны». Важнейшая задача ведущих мировых центров влияния — найти адекватный глобальным вызовам модус вивенди. Закрепление структурной конкуренции в виде конфронтации стало бы попыткой повторного использования моделей мышления предыдущей исторической эпохи.

Особые опасности миру несло бы такое закрепление на условиях враждебности, то есть наихудшего варианта холодной войны — направление на сдерживание угрозой, жесткую силу и фрагментарное сотрудничество. Другими словами — структурная конкуренция как вариация на тему холодной войны в период до Карибского кризиса и установления стратегического баланса в 1960–1970-е годы. Такой тип холодной войны, назовем его «жесткий», представляет собой не столько замороженный, сколько отложенный «горячий» конфликт. Его отложенность в противостоянии СССР и США зиждилась на плохо просчитываемых рисках обмена ядерными ударами даже при асимметричности стратегических арсеналов и в отсутствие военного паритета противников. Эта отложенность была почти «преодолена» в октябре 1962 года. Случись это, мы не присутствовали бы сегодня в этом зале.

Что касается «мягкого» типа холодной войны по аналогии с детантом 1970-х годов, то он был возможен в уникальных условиях «паритетного» биполярного мира, который ушел в прошлое с развалом Советского Союза и социалистического лагеря. Теоретически биполярность в первой половине XXI века имеет шансы вернуться, если, помимо США, второй стороной в ее двухъядерной сердцевине сможет стать Китай как лидер определенной группы стран-сателлитов. Сегодня мало что свидетельствует о том, что история пойдет по этому пути. В то же время появление в последние годы элементов деглобализации, в случае закрепления этой тенденции, может перерасти в раскол мира по тем или иным признакам.

¹ Rhodes B. A dust-up with the Iranians or the Chinese could get out of hand very fast // Politico. 2017. Jan. 19. P. 16.

Важно подчеркнуть, что суть проблемы «новой холодной войны» глубже, чем неприемлемость возрождения любого из ее известных типов. Ведь оправдываемая допустимость перезапуска холодной войны в ее «жестком» или «мягком» варианте, можно просто сослаться на историю, указав, что прецедента перерастания ее в большую горячую войну не было. Сослаться на то, что и сегодня существует стратегический паритет и две ведущие ядерные державы продолжают придерживаться доктрины «гарантированного взаимного уничтожения».

Как представляется, уязвимость таких рассуждений состоит в том, что «большая бомба», в отличие от 1940–1980-х годов, в былой степени уже не гарантирует мир от большой и тем более от малых войн. Опасность сценариев неконтролируемой эскалации возрастает. В условиях ослабления режима нераспространения атомного оружия, его появления у плохо контролируемых государств, разработки новых высокоточных видов вооружений, разрушения согласованного

в 1970-е годы режима ПРО, усиления международного терроризма, в том числе на территории ядерных государств (в первую очередь Пакистана), быстрого развития кибернетических технологий и их милитаризации риски опасных конфликтов между великими державами — прямых или через втягивание в конфликты на периферии — приобретают новое качество.

В этой ситуации структурная конкуренция в виде «новой холодной войны» России с «коллективным Западом» только потворствовала бы деструктивным процессам в международных отношениях. Структурная конкуренция на условиях конструктивного полицентризма, напротив, дала бы России и Западу возможность сообща снижать риски региональных и глобальных конфликтов, развивать в рамках допустимых и общепринятых правил свои конкурентные преимущества с упором на взаимодействие там, где это возможно, рационально и желательно, и признавать стратегические интересы друг друга там, где это очевидно.